

Разные взгляды на одну историческую проблему: «Благовещенская трагедия» 1900 г. в работах англоязычных и российских авторов

Антон Михайлович Кузнецов,

руководитель отдела Машрика Ближневосточного
клуба МГИМО(У) МИД России, Москва.

E-mail: sapsannemo@gmail.com

Интенсификация связей различного характера между Россией и Китаем во втором и третьем десятилетиях XXI в. во многом повысила интерес научного сообщества к изучению истории развития двусторонних отношений. При этом в настоящее время исследователи в своих работах склонны обращаться не только к общеизвестным достижениям данного сотрудничества, но и к почти забытым трагичным страницам, какой, например, является «Благовещенская трагедия» 1900 г. В статье рассматриваются подходы и выводы российских и англоязычных историографов, занимающихся изучением данного вопроса. Автор производит оценку взглядов этих двух групп исследователей на одно событие. Для этого отдельно анализируются работы каждой из исторических школ, обращается внимание прежде всего на причины и масштабы указанной трагедии, определяется степень её влияния на современные российско-китайские отношения и уровень информированности двух обществ о событиях их общей истории; кроме того, в рассматриваемых работах отмечаются точки соприкосновения или констатируется их отсутствие. В заключении автор подчёркивает, что, несмотря на различия в общем описании «Благовещенской трагедии» двумя группами историографов, существует некоторое сходство их точек зрения по отдельным аспектам темы. Здесь же автором отмечается общий дефицит работ, посвящённых данному вопросу, и даётся ряд рекомендаций по его преодолению.

Ключевые слова: Благовещенск, Российская империя, Китай, Антикитайский погром, Благовещенская трагедия, российско-китайские отношения, историография.

**Different Perspectives on One Historical Problem:
“The Blagoveshchensk Tragedy” of 1900 in the Works
of English-Speaking and Russian Authors.**

Anton Kuznetsov, Moscow State Institute of International Relations,
MGIMO University, Moscow, Russia. E-mail: sapsannemo@gmail.com.

The intensification of ties of a different nature between Russia and China in the second and third decades of the 21st century has considerably increased the interest of the scientific community in studying the history of the bilateral relations' development. At the same time, the researchers in their papers currently tend to refer not only to the well-known achievements of this cooperation but also to almost forgotten tragic pages such as the 1900 “Blagoveshchensk tragedy”. The paper examines the approaches and conclusions of two large groups of researchers engaged in the study of this issue: Russian and English-speaking ones. The author evaluates the viewpoints of the two different groups of historiographers on one particular event. In this regard, the paper separately analyzes the works of each of the historical schools, paying primary attention to the causes and the scale of the tragedy, the extent of influence of this event on modern Russian-Chinese relations and the degree of the two societies' awareness of the events of their shared history, and also looks for common ground or states their absence in these works. In conclusion, the author emphasizes that despite the differences in the overview of ‘the Blagoveshchensk tragedy’ by the two groups of historiographers, there is still some similarity of their perspectives on certain aspects of the topic. The author also points out the lack of the works devoted to this issue and provides some recommendations how to overcome it.

Keywords: Blagoveshchensk, Russian Empire, China, Anti-Chinese Pogrom, Blagoveshchensk tragedy, Russian-Chinese relations, historiography.

ВВЕДЕНИЕ

В истории практически любого государства есть свои «чёрные страницы», т.е. исторические события и процессы, на которые оно часто не обращает должного внимания, предпочитает замалчивать факты или даже иногда пытается сделать всё возможное для того, чтобы просто вырвать эту самую «чёрную страницу» из общей книги-истории государства, из общественного сознания.

Так, подобные «чёрные страницы» имели место и в прошлом нашей страны. Например, события лета 1900 г. в дальневосточном городе Благовещенске — яркий пример одной из самых трагичных страниц в отечественной истории. Разумеется, об этой трагедии не забывают в российском профессиональном историческом сообществе: учёные-историки публикуют работы, посвящённые данному вопросу. Однако, к большому сожалению, когда исследователи представляют на суд общественности свои труды, значительная часть читателей предпочитает игнорировать многие давно доказанные исторические факты (или, попросту говоря, отрицать действительность) и обвинять авторов в своеобразной политизированности их подходов к изучению вопроса или умышленном замалчивании свидетельств не только с потерпевшей стороны (китайской), но и со стороны наблюдателей (других иностранцев) [5, с. 142—147].

В то же время по другую сторону Амура — в Китае — можно наблюдать прямо противоположную ситуацию: китайцы очень хорошо помнят о тех событиях, когда русские намеренно, по их словам, хотели уничтожить их предков [10, р. 1068—1070]. Этой трагичной странице истории китайского народа посвящают не только отдельные уроки в школах [12] и целые экспозиции в музеях — главным образом имеется в виду отдельная экспозиция в Айгунском историческом музее, расположенном в городе Хэйхэ на берегу Амура, прямо напротив Благовещенска [4; 10], — но и научные труды, которые содержат всё те же обвинения в агрессивной политике царского правительства по отношению к национальным меньшинствам [10, р. 1055] и во вторжении «великой славянской расы» на национальную территорию Китая [13, р. 251].

При этом, несмотря на различия во взглядах на одно и то же историческое событие, нынешние отношения между двумя народами (государствами) остаются довольно тёплыми и имеют тенденцию к укреплению. В этой связи некоторые уже англоязычные историографы склонны косвенно обвинять лидеров обеих держав (особенно Си Цзиньпина) в том, что они ставят внешнеполитические приоритеты своих стран выше такой вещи, как историческая память. Хотя, как показывает прошлое, если у стран появляются общие геополитические цели, их противоречия

и обиды часто уходят на второй план¹. Существование же подобных двойных стандартов и делает тему благовещенских событий 1900 г. актуальной для изучения.

В данной статье автор пытается выяснить, насколько схожи и различны подходы и выводы англоязычных и российских авторов, занимавшихся указанной проблемой. Всё вышесказанное также определяет логику структуры статьи, которая состоит из трёх разделов, посвящённых: 1) анализу работ англоязычных авторов, в которых рассматриваются благовещенские события 1900 г.; 2) анализу работ российских авторов по данному вопросу; 3) выводы, включающие в себя сравнение ключевых аспектов рассмотрения темы у двух групп исследователей.

Наконец, считаем необходимым объяснить несколько концептуальных моментов статьи, которые некоторыми читателями могут быть квалифицированы как небесспорные. Во-первых, причины обращения в первую очередь именно к трудам англоязычных исследователей, а не соотечественников автора, кроются в том, что источников на английском языке ввиду его сегодняшней огромной роли в сфере международной коммуникации существенно больше и англоязычные авторы начали серьёзно изучать вопрос благовещенских событий намного раньше своих российских коллег. Во-вторых, подробное изложение представлений российских и англоязычных авторов о тех массовых убийствах (группы «виновных» и «свидетелей», или «нейтральной» стороны, чьё мнение в подобных событиях, как известно, может оказаться более значимым) и практически полное отсутствие внимания к работам китайских авторов (группы «потерпевших») объясняется тем, что китайские историографы в подавляющем большинстве своём гиперболизированно описывают те события, часто не анализируя причин произошедшего, слепо навешивая ярлыки (по типу: «русские — убийцы, а китайцы — невинные жертвы») и излагая весь материал в достаточно жёстком, националистическом ключе (см., например: [18]). Кроме того, статья нацелена не на то, чтобы дать комплексную оценку событий вековой давности,

¹ В качестве примера можно привести «вековые» англо-российские или англо-французские противоречия и союзнические отношения данных стран во время Первой мировой войны.

а на то, чтобы показать, как один и тот же эпизод может по-разному трактоваться в разных странах (в данном случае в России и в странах так называемого коллективного Запада). В-третьих, в вопросе историографических терминов, которые наиболее ёмко могут описать события 1900 г. в Благовещенске, автор отталкивается от того факта, что две историографические школы по-разному называют тот трагический эпизод: в российской историографии главным образом отдают предпочтение определению «(Анти)китайский погром²» [5; 9], в западной — «Благовещенская резня» (“The Blagoveshchensk massacre”) [17] или «Благовещенская трагедия» (“The Blagoveshchensk tragedy”). Причём последнее определение отсылает нас к тому, как в самом Китае в настоящее время относятся к тем событиям — как к трагедии китайского народа и человечества вообще [10, p.1068], когда безнравственное начало человека возобладало над нравственным и привело к гибели его ближнего. Поэтому в данной работе автор при обращении к событиям 1900 г. склонен чаще всего называть их самым нейтральным из всех трёх номинаций, а именно «Благовещенской трагедией».

РАБОТЫ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АВТОРОВ ПО СОБЫТИЯМ 1900 г. В БЛАГОВЕЩЕНСКЕ

Прежде чем перейти к непосредственному анализу работ англоязычных авторов, посвящённых событиям 1900 г. в Благовещенске, следует дать краткое описание хода событий, которое будет лишено субъективных оценочных суждений и в котором будут отражены основные поворотные точки, упомянутые во всех работах не только отечественных, но и иностранных исследователей.

Известно, что «Благовещенская трагедия» началась на фоне продолжавшегося уже два года в Китае восстания ихэтуаней (Российская империя принимала участие в его

² Очевидно, что подобное небесспорное историографическое определение появилось из аналогии с еврейскими погромами (массовыми насильственными выступлениями против лиц, исповедовавших иудаизм), имевшими место на территории Российской империи в конце XIX — начале XX вв.

подавлении), которые в начале июля 1900 г. с противоположного берега р. Амур несколько раз обстреляли российский пограничный город Благовещенск, где проживала немалая китайская община. Слухи о жестоких массовых убийствах, совершаемых китайцами, вызвали в городе панику среди мирных жителей, которые в одночасье стали считать китайцев своими самыми главными врагами. В ответ на это военный губернатор К.Н. Грибский издал распоряжение о выдворении всех китайцев города и области за Амур. Силами полиции и добровольцев из числа горожан и казаков произошли облавы с целью интернирования китайцев [1]. 4 июля³ первая партия «нежелательных лиц» была отправлена под конвоем в посёлок Верхне-Благовещенский, где произошла, по сути, кульминация всех благовещенских событий: конвоиры приказали уже бывшим жителям города добираться на ту сторону границы вплавь через «Большую реку». В результате переправы несколько тысяч китайцев утонули в Амуре, другая часть несогласных с действиями российских войск была убита с использованием огнестрельного и холодного видов оружия, но была также и третья, «счастливая» часть того конвоя, которой всё-таки удалось переплыть на противоположный берег реки [4].

Теперь же, взяв вышеизложенное описание за основу, хронологическую канву, можем перейти непосредственно к зарубежным авторам и их взгляду на события в Благовещенске. Итак, подавляющая часть англоязычных историографов (В. Зацепин, С.С. Пейн) с крайним негодованием относятся к действиям официальных российских властей (прежде всего губернатора Грибского или его начальника, военного министра Куропаткина), обвиняя русских в расизме по отношению к китайским соседям, в их преднамеренном убийстве [17, р. 108]. В то же время в англоязычной литературе мы можем встретить мнения и их немногочисленных оппонентов (например, Ричарда Пенроуза), которые отмечают правильность действий русских, акцентируя внимание на том, что на их месте любой цивилизованный человек поступил бы именно так, любой был бы готов защитить родной город, в конце концов, свой дом

³ Все дореволюционные даты российской истории в данной работе даются по юлианскому календарю.

и семью от тотального уничтожения внутренним врагом при поддержке внешнего [15, р. 79—80]. Однако в настоящее время подобная точка зрения не является доминирующей за рубежом.

Тем не менее если обращаться к деталям, то можно заметить, что в большинстве своём англоязычные работы (например, Ю.Р. Лин) рассматривают то «национальное унижение Китая» [13, р. 202] в контексте общей колонизаторской политики, которую проводила Российская империя на Дальнем Востоке со второй половины XIX в. Более того, зарубежные авторы придерживаются мнения, что тогда Россия вела с Китаем настоящую войну за территории и доминирование в регионе [17, р. 108]. Эта война, сопровождавшаяся интервенцией Альянса восьми держав на территорию Империи Цин для подавления вышеупомянутого восстания ихэтуаней, завершилась 7 сентября 1901 г. подписанием «Заключительного протокола» — мирного соглашения между Альянсом и цинским правительством [6, с. 459—526]. Таким образом, представляется, что трагедия в Благовещенске — это пример империалистической практики взаимоотношения между колонистами и мятежными аборигенами, которая была распространена во всех колониальных империях XIX в.

В то же время, рассуждая о бесчинстве и некой «кроважидности» царского режима по отношению к китайцам Благовещенска и подкрепляя всё это довольно большим разбросом в оценке числа убитых в 3—9 тыс. чел. (причём здесь нужно также отметить разнообразные оценки числа китайцев, погибших в Верхне-Благовещенском: большинство авторов настаивает на цифре «около 3 тыс. чел.» [11, р. 90], другие — на 5 тыс. [14, р. 213—214], есть даже оценки в 8 тыс. чел. [16, р. 170]); зарубежные авторы склоны сознательно или по незнанию замалчивать некоторые действия российского правительства, которые, безусловно, не смогли направить ситуацию в нужное русло, но являются важными для составления более полной картины произошедшего. В частности, исследователи не уделяют должного внимания тому факту, что ещё в июне 1900 г., когда обстановка на границе стала достаточно тревожной, представители местных китайцев обратились к Грибскому с вопросом, не лучше ли им на время покинуть российскую территорию. На что тот уверил их, что они спокойно могут оставаться, поскольку

«правительство великой Российской империи никому не позволит обижать мирных граждан». В этой связи военный губернатор даже издал прокламацию, в которой угрожал строгими наказаниями за оскорбление мирных китайских подданных [4].

Наконец, нужно сказать несколько слов о том, к каким выводам приходят англоязычные авторы, анализируя влияние событий 1900 г. на дальнейшие российско(советско)-китайские отношения. Известно, что во времена Гражданской войны и «Белого террора» на российском Дальнем Востоке китайские власти для предотвращения очередной «Благовещенской трагедии» приняли решение отправить туда своего консула, который бы защищал интересы российских китайцев [13, р.158—160]. Во времена же тёплых, братских отношений между СССР и КНР⁴ о «Благовещенской трагедии» в Китае предпочитали не говорить (да и недавно закончившаяся японская оккупация значительной части Китая в 1931—1945 гг. сильнее отзывалась в памяти). Тут англоязычные авторы часто проводят аналогию между «историческим беспамятством» КНР того периода и современностью, о которой было упомянуто во введении настоящей работы. Кроме того, зарубежная историография в этой связи косвенно намекает на то, что при возникновении напряжения, кризиса в российско-китайских отношениях старые обиды могут вспомниться и найти своё отражение в действиях Пекина против Москвы [12]. Тем более что в истории двусторонних отношений подобное уже имело место: после смерти Сталина в Китае развернули активную кампанию по очернению СССР, обвинению в ревизионизме и гегемонии, привлекая в том числе факты, связанные с «Благовещенской резнёй».

К российскому же взгляду на благовещенский эпизод 1900 г. у англоязычных исследователей есть также несколько вопросов, например: они отмечают недостаточную освещённость данной темы в российской научно-популярной литературе (либо отсутствие качественных, серьёзных работ, либо их маленький тираж), признают, что для российского общества вообще «Благовещенск» — неудобная

⁴ Имеется в виду период с момента образования КНР в 1949 г. и примерно до начала 1960-х гг.

тема для разговора, приходят к выводу о сложности объективного исследования «Благовещенской трагедии» в современной России; наконец, констатируют концептуальное различие в том, как описывают причины и характер тех событий они и их российские коллеги (прежде всего в привязке к тому, была ли та «резня» частью большой Русско-китайской войны или нет) [17, p. 122—123].

РАБОТЫ РОССИЙСКИХ АВТОРОВ ПО СОБЫТИЯМ 1900 г. В БЛАГОВЕЩЕНСКЕ

На первый взгляд может показаться, что если в случае с англоязычными авторами события в Благовещенске были окрашены в основном в чёрный цвет, то в работах российских они обязательно примут белый цвет, однако на деле подобное утверждение оказывается не до конца верным. Большинство современных отечественных исследователей не пытаются обелить российских чиновников или военных, не стремятся существенно занизить число погибших китайцев; наоборот, они признают вину наших общих предков в содеянном и сами в то же время настаивают на более адекватном анализе вышеупомянутых событий. Но чтобы не быть голословными, рассмотрим «Благовещенскую трагедию» согласно критериям, использованным нами при анализе работ англоязычных авторов.

Итак, говоря о причинах массового убийства китайцев в Благовещенске, российские авторы (А. Ларин, А. Петров) в первую очередь связывают это не с духом империализма или империалистическими практиками, которыми пользовались иностранные колонизаторы, а с общими неразберихой и смятением в обществе [7, с. 44; 8, с. 337—338], вызванными главным образом особенностями менталитета русского человека того времени, его страхом перед неизвестным, национализмом и отношением ко всему чуждому, инородному и, если связывать это с религией, ко всему неправоославному (неслучайно некоторые авторы проводят здесь параллель между положением китайцев в амурском регионе с положением евреев — тех же инородцев — в черте оседлости) [5, с. 135—160]. Кроме того, масла в огонь того «погрома» подлил ряд не до конца продуманных решений и просчётов,

допущенных российскими властями на пути к описываемой трагедии (т.е. российские авторы признают вину российской власти, но отказываются верить в то, что убийства китайцев были специально кем-то организованы) [2, с. 295—298].

Однако некоторые другие российские исследователи не готовы полностью согласиться с такой трактовкой событий в Благовещенске. Доверяясь по некоторым вопросам темы, возможно, в большей степени именно западной историографии, эта группа авторов (В. Дацышен, О. Тимофеев) также называет массовые убийства не отдельным случайным трагичным эпизодом в российско-китайских отношениях, а одним из методов борьбы с противником (т.е. в таком случае исследователи акцентируют внимание на том, что в то время Российская империя действительно вела с Китаем войну) [3; 9]. Кроме того, некоторые представители этой группы (в частности, тот же О. Тимофеев) заходят ещё дальше и, быть может, из-за своей склонности к тому, чтобы называть все вещи своими именами, дают небесспорную оценку действиям российских властей. Они прямо называют события в Благовещенске геноцидом (выражаясь простыми словами: преднамеренным уничтожением народа по этническому, национальному, религиозному и другим признакам) [9]. Подобную точку зрения готовы оспорить представители первой группы исследователей: они не считают благовещенские события геноцидом по той простой причине, что у властей и общества не было никаких планов, желаний и мотивации к истреблению мирного китайского населения, своеобразной этнической чистке [5, с. 183—185; 7, с. 44]. Вдобавок ко всему, конечно же, нельзя говорить о масштабах трагедии (пусть даже и на уровне языка) без использования числовых показателей. В этой области у отечественных авторов также не наблюдается некоего консенсуса в оценках: те из авторов, кто опирается на материалы официального расследования, дают цифру 4—5 тыс. погибших⁵, другие же апеллируют, вероятно, к рассказам очевидцев и называют ещё большее количество убитых (до 6—7 тыс.) [5, с. 51—60].

По вопросам же отношения КНР к событиям в Благовещенске российские авторы солидарны со своими англоязыч-

⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 98. Дел. 3. Д. 897. Ч. 2. Л. 14—20.

ными коллегами. Действительно, всевозможные исторические споры и конфликты меркнут на фоне той успешности и выгоды современного сотрудничества между двумя странами. В то же время, конечно, само китайское общество помнит об этой трагедии, но по определённым причинам не желает ворошить прошлое и гласно говорить об этом. Как считают некоторые российские исследователи, связано это не только с тем, что сама КНР не видит смысла в неких претензиях к Российской Федерации за то, что когда-то несколько сотен подданных Российской империи безнаказанно попытались избавиться от врагов-иноземцев [5, с. 148—149], но и с тем, что в сознании самих китайцев благовещенский эпизод — это именно эпизод, а не событие, соразмерное по масштабам с кровавыми кампаниями, которые организовывала сама китайская верховная власть в годы, например, той же «культурной революции» 60—70-х гг. XX в.

Что же касается вопросов исторической памяти и общего российского забвения трагедии на границе с Китаем, то здесь, например, отдельная группа авторов (В. Дятлов, Я. Гузей, Т. Сорокина) заявляет, что ответственность в этом случае лежит прежде всего не на самом российском обществе (они ни в коем случае не обвиняют его в историческом беспамятстве; в то же время они констатируют, что в настоящее время в обществе, знающем о данных событиях более чем вековой давности, отсутствует какое-либо единое мнение по этому поводу), а на государстве и его должностных лицах, которые стоят за реализацией политики памяти и построением с её помощью системы образования, которая в свою очередь является главным инструментом противодействия трагедиям коллективного насилия по типу «Благовещенской трагедии» или даже того же Холокоста в годы Второй мировой войны [5, с. 160—190].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение хотелось бы отметить, что имеющихся исследований недостаточно для проведения полноценного сравнительного анализа литературы по Благовещенской трагедии. Причина этого кроется по большей части в дефиците

серьёзных, глубоких, а главное, объективных работ по теме, либо опубликованных на английском языке, либо переведённых с иного иностранного языка. Подобное, по мнению автора, связано главным образом с недостаточно активным запросом прежде всего у западного обывателя на исследования по истории Российской империи вообще. Однако в настоящее время в силу возрастания роли России в мире иностранной историографии всё же стоит уделять больше внимания истории нашей страны, узким вопросам из различных её сфер с обязательной опорой на исторические оригинальные документы, свидетельства и т.п., написанные на русском, китайском языках, если рассматриваются темы по русско-китайским отношениям. Использование подобных источников, в свою очередь, чрезвычайно важно как для адекватного изображения исторической действительности, так и для правильного понимания контекста того или иного исторического события.

Несмотря на это, основываясь на доступных и проанализированных источниках, хочется обобщить всё сказанное в основной части по вопросам сходств и различий работ англоязычных и российских исследователей. Вначале остановимся на общих моментах исследований, связанных с описанием произошедших событий. Здесь стоит отметить прежде всего тон работ (в подавляющем большинстве осуждающий, а местами и пренебрежительный по отношению к официальным властям и русскому населению Благовещенска — у англоязычных авторов; рассудительный и отнюдь не равнодушный — у российских), манера описания (недосказанность, рисование картины происходящего вслепую с использованием лишь тёмных цветов — англоязычные; рассмотрение официальных и неофициальных версий произошедшего, местами сознательный уход от эмоциональных оценочных суждений — российские).

Что же касается отдельных ключевых моментов, важных для рассмотрения самого хода событий и их влияния на дальнейшую историю, то для облегчения восприятия эти данные представлены в виде табл. 1.

Более того, говоря о влиянии (или точнее, о не влиянии) антикитайских выступлений 1900 г. на современные отношения между РФ и КНР, стоит также упомянуть и о степени информированности двух обществ о событиях их единой

Таблица 1

**Наиболее распространённые мнения
англоязычных и российских авторов об отдельных аспектах
событий 1900 г. в Благовещенске**

Мнения Аспекты	Англоязычные авторы	Российские авторы
Причины начала антикитайских выступлений	Колонизаторские и империалистические методы взаимодействия русских с инородцами	Слабости человеческой психики и особенности русского менталитета
Число погибших	3—9 тыс. чел.	4—7 тыс. чел.
Влияние событий на современные российско-китайские отношения	Влияния указанных событий на двусторонние отношения нынешнего этапа не наблюдается	Влияния указанных событий на двусторонние отношения нынешнего этапа не наблюдается

истории. Англоязычные авторы указывают на высокую информированность в Китае и низкую в России, которую можно повысить путём следования упомянутым рекомендациям. Их российские коллеги в целом с ними солидарны: по их мнению, китайский обыватель намного лучше информирован о той трагедии, хоть и существует определённый риск того, что это событие в глазах китайского народа со временем могут затмить его более масштабные «собратья». К низкой же степени информированности российского общества отечественные авторы относятся с пониманием, а также дают некоторые рекомендации по её повышению.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Благовещенская «Утопия» // Вестник Европы. 1910. № 7. С. 231—241.
2. Дацышен В.Г. История русско-китайских отношений в конце XIX — начале XX вв. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2000. 472 с.
3. Дацышен В.Г. Русско-китайская война. Манчжурия 1900 г. СПб.: Цитадель, 1996. 144 с.
4. Дятлов В.И. «Благовещенская трагедия»: историческая память и историческая ответственность // Дружба народов. 2012. № 10. С. 173—188.
5. Дятлов В.И., Гузей Я.С., Сорокина Т.Н. Китайский погром. Благовещенская «Утопия» 1900 года в оценке современников и потомков. СПб.: Нестор-История, 2020. 208 с.

6. Заключительный протокол. Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895—1905. СПб.: Тип. А.М. Менделевича, 1906. 762 с.
7. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. 511 с.
8. Петров А.И. История китайцев в России. 1856—1917 годы. СПб.: Береста, 2003. 958 с.
9. Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения в Приамурье (середина XIX — начало XX вв.). Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2003. 302 с.
10. Adda I., Lin Y.R. Geopolitics in Glass Cases: Nationalist Narratives on Sino—Russian Relations in Chinese Border Museums // *Europe-Asia Studies*. 2022. Vol. 74. No. 6. P.1051—1081.
11. *China Inside Out: Contemporary Chinese Nationalism and Transnationalism* / ed. by J. Breidenbach and P. Nyíri. Budapest: Central European University Press, 2005. 369 p.
12. Higgins A. On Russia-China Border, Selective Memory of Massacre Works for Both Sides // *The New York Times*. March 26, 2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/26/world/europe/russia-china-border.html> (дата обращения: 02.07.2023).
13. Lin Y.R. *Among Ghosts and Tigers: The Chinese in the Russian Far East, 1917—1920: thesis ... DPhil History*. Trinity, 2015. 322 p.
14. Pain S.C.M. *Imperial Rivals: China, Russia, and Their Disputed Frontier*. New York: M.E. Sharpe, 1996. 453 p.
15. Penrose R.A.F. *The Last Stand of the Old Siberia*. Philadelphia: F. Fell Co. Publishers, 1922. 111 p.
16. Seaman L.L. *From Tokio through Manchuria with the Japanese*. New York: D. Appleton and company, 1905. 381 p.
17. Zatsypine V. *The Blagoveschensk Massacre of 1900: The Sino-Russian War and Global Imperialism* // *Beyond Suffering. Recounting War in Modern China* / ed. by J. Flat and N. Smith. Vancouver: UBS Press, 2011. P.107—130.
18. 高永生, 李寻宝. “庚子俄难”时限的再界定与思考 = Гао Юншэн, Ли Сюньбао. Установление сущности и размышление о трагедии года Гэн-цзы // *黑龙江史志*. 2004. № 3. С. 35—36.
19. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации).

REFERENCES

1. Blagoveshchenskaya «utopiya» [The Blagoveshchensk “Utopia”]. *Vestnik Evropy*, 1910, no. 7, pp. 231—241. (In Russ.)
2. Datsyshen V.G. *Istoriya russko-kitayskikh otnosheniy v kontse XIX — nachale XX vv.* [The History of Russian-Chinese Relations in the Late 19th — Early 20th Centuries]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskiy gos. ped. un-t im. V.P. Astaf’eva Publ., 2000, 472 p. (In Russ.)
3. Datsyshen V.G. *Russko-kitayskaya voyna. Manchzhuriya 1900 g.* [The Russian-Chinese War. Manchuria 1900]. Saint Petersburg, Tsitadel’ Publ., 1996, 144 p. (In Russ.)

4. Dyatlov V.I. «Blagoveshchenskaya tragediya»: istoricheskaya pamyat' i istoricheskaya otvetstvennost' [The Blagoveshchensk Tragedy: Historical Memory and Historical Responsibility]. *Druzhba narodov*, 2012, no.10, pp.173—188. (In Russ.)
5. Dyatlov V.I., Guzey Ya.S., Sorokina T.N. *Kitayskiy pogrom. Blagoveshchenskaya «utopiya» 1900 goda v otsenke sovremennikov i potomkov* [Anti-Chinese Pogrom. Blagoveshchensk “Utopia” of 1900 in the Opinion of Contemporaries and Descendants]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2020, 208 p. (In Russ.)
6. *Zaklyuchitel'nyy protokol. Sbornik dogovorov i diplomaticheskikh dokumentov po delam Dal'nego Vostoka. 1895—1905* [The Final Protocol. The Agreements and Diplomatic Documents Relating to the Far East. 1895—1905]. Saint Petersburg, Tip. A.M. Mendeleevicha Publ., 1906, 762 p. (In Russ.)
7. Larin A.G. *Kitayskiye migranty v Rossii. Istoriya i sovremennost'* [Chinese Migrants in Russia. History and Modernity]. Moscow, Vostochnaya kniga Publ., 2009, 511 p. (In Russ.)
8. Petrov A.I. *Istoriya kitaytsev v Rossii. 1856—1917 gody* [The History of the Chinese in Russia. 1856—1917]. Saint Petersburg, Beresta Publ., 2003, 958 p. (In Russ.)
9. Timofeev O.A. *Rossiysko-kitayskiye otnosheniya v Priamur'ye (seredina XIX — nachalo XX vv.)* [Russian-Chinese Relations in the Amur Region (Mid-19th — Early 20th Centuries)]. Blagoveshchensk, Izd-vo Blagoveshch. gos. ped. un-ta Publ., 2003, 302 p. (In Russ.)
10. Adda I., Lin Y.R. Geopolitics in Glass Cases: Nationalist Narratives on Sino-Russian Relations in Chinese Border Museums. *Europe-Asia Studies*, 2022, vol. 74, no. 6, pp.1051—1081. (In Eng.)
11. *China Inside Out: Contemporary Chinese Nationalism and Transnationalism*. Ed. by J. Breidenbach and P. Nyíri. Budapest, Central European University Press Publ., 2005, 369 p. (In Eng.)
12. Higgins A. On Russia-China Border, Selective Memory of Massacre Works for Both Sides. *The New York Times*. March 26, 2020. Available at: <https://www.nytimes.com/2020/03/26/world/europe/russia-china-border.html> (accessed 02.07.2023). (In Eng.)
13. Lin Y.R. *Among Ghosts and Tigers: The Chinese in the Russian Far East, 1917—1920: thesis ... DPhil History*. Trinity, 2015, 322 p. (In Eng.)
14. Pain S.C.M. *Imperial Rivals: China, Russia, and Their Disputed Frontier*. New York, M.E. Sharpe Publ., 1996, 453 p. (In Eng.)
15. Penrose R.A.F. *The Last Stand of the Old Siberia*. Philadelphia, F. Fell Co. Publishers Publ., 1922, 111 p. (In Eng.)
16. Seaman L.L. *From Tokio through Manchuria with the Japanese*. New York, D. Appleton and company Publ., 1905, 381 p. (In Eng.)
17. Zatspine V. The Blagoveshchensk Massacre of 1900: The Sino-Russian War and Global Imperialism. *Beyond Suffering. Recounting War in Modern China*. Ed. by J. Flat and N. Smith. Vancouver, UBS Press Publ., 2011, pp.107—130 (In Eng.)
18. 高永生, 李寻宝. “庚子俄难”时限的再界定与思考 [Gao Yongsheng, Li Xunbao. Defining and Reflecting on the Tragedy of a Gengzi Year]. *黑龙江史志*, 2004, no. 3, pp. 35—36. (In Chin.)

Дата поступления в редакцию 03.07.2023